

ТИРАНИЯ ВКУСА

Вместо предисловия

Когда московское издательство ЭКСМО задумало многотомную «Антологию сатиры и юмора России 20-го века», то в нее, естественно, был включен и том «Одесский юмор». Так случилось, что составителем его оказался ваш покорный слуга. В предисловии к тому я писал: «Отношение к юмору, восприятие его у каждого свое. Тем более если этот юмор «одесский». Одним (как правило, не одесситам) больше нравится его, так сказать, экзотическая часть, то есть жаргон, не-правильности речи, утрирование интонации, другим же — афористичность, естественность и соответствие нормам русской грамматики. Я отношу себя к последним. Словом, мое отношение к юмору, в особенности же к одесскому, крайне субъективно. Что, конечно, чревато. Поскольку я понимаю: отбирая нравящиеся тебе тексты, ты как бы навязываешь читателю свой вкус. Так вот, хочу заранее попросить прощения у читателей — как раз это я и собираюсь делать!»

В работе над томом «Одесский юмор. Век 21-й» я придерживался того же принципа. То есть включил в него то, что нравится мне лично. Думаю, кстати, что такой подход оправдывают и мои более чем сорокапятилетние занятия этим сомнительным делом. Ну, я имею в виду юмор. Пора уже вроде бы себе доверять...

И еще. Когда я работал над первым томом, охватывающим прошлое столетие, то обратил внимание, что вся юмористическая традиция в одесской литературе зародилась именно в начале XX века.

Начало XXI века тоже ознаменовалось для Одессы всплеском юмора. Это было связано прежде всего с инерцией перестроечных настроений, чувством свободы и отсутствием цензуры, которые вызвали к жизни целую плеяду новых одесских авторов, пишущих в этом жанре. Тем более что век XX, несмотря на всякие сложности и катаклизмы, ему сопутствующие, не только создал, но и укрепил легенду Одессы как столицы юмора.

Неисчезающая художественная аура произведений Бабеля, Ильфа и Петрова, Катаева, Олеси, продолжающееся блистательное творчество Михаила Жванецкого, ставшие уже многолетней традицией одесские Юмористы благоприятствовали рождению новых юмористических произведений разных жанров, многие из которых отвечают, на мой взгляд, самым высоким литературным требованиям.

Единственное, в чем начало XXI века отличается от первых лет века XX, — это то, что количество появившихся юмористических изданий в Одессе на этот раз было весьма скромным. Не слишком много на страницах всякого рода периодических изданий появилось и так называемых уголков юмора. Единственный юмористический жанр, который в XXI веке «украшает» практически все последние страницы многих газет и журналов, — это анекдот. Причем, как правило, не очень высокого пошиба.

Причины этой издательской и читательской невзыскательности разные, для нас часто непостижимые. Безусловно, они связаны с какими-то загадочными сдвигами в сознании людей, живущих на постсоветском

пространстве, но осмысление этого не входит в задачу данного предисловия.

Я же, льстящий себя надеждой, что высокий литературный уровень одесского юмора удастся все-таки не только сохранить, но и приумножить, имею в виду практически только одно издание — все тот же, выходящий в Одессе уже более пятнадцати лет юмористический журнал «Фонтан», главным редактором которого я имею честь быть до сих пор. Именно он, «Фонтан», как мне представляется, и собрал на своих страницах лучших из нынешних одесских (и не только!) юмористических авторов, а также многих из тех литераторов, кто, несмотря на занятия «серьезной» литературой, с охотой уделяет внимание и «веселому» жанру.

За годы существования журнала были написаны и увидели свет сотни новых рассказов и стихов, пародий и миниатюр, острот и афоризмов, карикатур и шаржей. Нет никаких сомнений в том, что, если бы не «Фонтан», 90% из написанного, опубликованного в журнале и вышедшего потом отдельными книгами просто бы не существовало.

По счастливому стечению обстоятельств первый номер одесского юмористического журнала «Фонтан» вышел в день столетия Ильи Арнольдовича Ильфа — 15 октября 1997 года.

А напутствовал его еще один одесский классик — Михаил Михайлович Жванецкий. Вот его слова:

Низкое качество жизни вызывает высокое качество юмора.

У журнала «Фонтан» есть все шансы.

Я сам не хохотал уже сто лет.

Так хочется посмеяться.

Так надоело читать анекдоты.

И в Одессе охота видеть человека, а не тещу, торговку и делового остряка, сидящего на акценте.

Из акцента мы выжали все.

Сэкономим Одессу.

Здесь все гораздо глубже — и хуже, и лучше, чем в наших шутках.

Будем беречь Одессу.

Крохи остались.

Для семян.

*Всегда неподалеку
Ваш Жванецкий.
1 октября 1997 года*

Удалось ли нам оправдать эти ожидания, судить, конечно, читателям. Что же касается Михал Михалыча, то к нашему 15-летнему юбилею он написал такие слова:

Ребята, фонтанируйте дальше.

Вы проехали Малый, Средний...

Теперь это — Большой Фонтан.

Не в силах конкурировать, я отошел.

Освобождаю проход.

Шутите мало, медленно и редко.

Это запоминается.

Медленная острота легче нащупывает мысль.

Кому я советую?

Зачем перебиваю сам себя?!

Мы все — профессионалы.

Кто выжил — живет!

*Ваш, ваш и твой
М. Жванецкий.
1 октября 2012 года*

К слову, давно ставший классиком, блистательный автор и исполнитель собственных произведений Михал Михалыч Жванецкий в последние годы стал выпускать

том за томом полное собрание своих сочинений. И, что интересно, пятый том этого прекрасного издания полностью состоит из текстов, написанных уже в XXI веке. (К тому же, как я слышал, уже готовится к выходу и шестой.)

Но продолжу...

Я уже писал, что принцип, которому я следовал при отборе произведений для тома «Одесский юмор. Век XX», сохраняется и в этом томе. Но, в отличие от прежнего собрания, абсолютно все авторы, чьи тексты здесь представлены, — одесситы. Либо сегодняшние, либо по рождению, либо одесситы, уехавшие на постоянное жительство в другие страны.

Ну и самое последнее. Эпиграфом к вступительной статье к тому «Одесский юмор. Век XX» взяты слова из статьи Исаака Бабеля о Леониде Утесове: «Мы предчувствуем высоты, которых он может достигнуть: тирания вкуса должна царить на них». Надеюсь, что собранный мной том «Одесский юмор. Век XXI» тоже соответствует этим высоким требованиям. Хотя бы по части вкуса.

На том стоим!

Валерий Хаит

Георгий Голубенко

ПОЖАР НА СЛОБОДКЕ

М^оим самым ярким детским впечатлением от Одессы был пожар. В центре Слободки. Так сказать, в самом престижном ее районе. Рядом с психбольницей. Горел деревянной сарай.

Я тут недавно видел другой пожар, примерно в том же районе. Горела какая-то контора. Или, как теперь говорят, офис. Какой разительный контраст в пользу первого возгорания! Во втором случае мы имели вялое малоинтересное зрелище: никто ничего не тушил. Хозяин офиса — бизнесмен, сидя в автомобиле, обзванивал по мобильному телефону своих друзей-бизнесменов. Те приезжали и, быстро договорившись о цене, сдавали хозяину под расписку кипы бумаг. Его помощник, как в паровозную топку, забрасывал эти бумаги в окна горящего офиса, и смысл происходящего был вянутен даже такому далекому от большого бизнеса человеку, как я. Вот придут к этим бизнесменам налоговые инспекторы:

- А ну предъявите ваши финансовые документы!
- Сгорели во время пожара.
- А у вас что, был пожар?
- У нас, слава богу, нет, а вот у бизнесмена такого-то, к сожалению, был. А мы ему как раз в этот день документы свои на хранение сдали...
- А чем докажете?

— Что? То, что сдали? Пожалуйста, вот расписка. А то, что у него как раз в этот момент был пожар, так иначе оно и быть не могло. Это же у него такой бизнес...

Нет, в детстве, неподалеку от психбольницы, все было значительно интереснее!..

Посмотреть, как горит дровяной сарай, собралось пол-Слободки. Вокруг царило приподнятое настроение. Хозяева, понимая, что одним сараем дело не ограничится, выносили из рядом стоящего ветхого дома нехитрый скарб, но тут, оглашая округу воем сирены, кваканьем клаксона и звоном медного колокола, к дому подъехал пожарный автомобиль — грузовик ярко-красного цвета с лестницей на кабине и тремя пожарными в кузове.

— Внимание, товарищи бойцы! — закричал их командир, вылезая из кабины с секундомером в руках. — Вижу пожар второй степени. На боевой рубеж выходи!

Пожарные спрыгнули на землю.

— Стоп, стоп, стоп!.. — закричал главный пожарный. — Это все никуда не годится! Ну что, Причитайло, где твои восемнадцать секунд по нормативу? А кто мне на учениях говорил: «Вот будет пожар, тогда и увидите»? Ну вот, пожалуйста, пожар я вижу и вижу, что у тебя опять двадцать три! Ну что же, давайте все в кузов, выпрыгиваем еще один раз!

— А может, тушить начнете, товарищи пожарники? — робко спросил кто-то из погорельцев. — Вон уже и на дом перекинулось...

— У вас один дом на уме, — строго ответил главный пожарник, — а я за весь город ответственный! Где же мне еще подчиненных учить, как не в боевой обстановке? Внимание, товарищи бойцы! Вижу пожар теперь уже третьей степени! На боевой рубеж выходи!.. Вот, уже лучше... Все-таки двадцать одна секунда. А зна-

ешь почему, Причитайло, у тебя все-таки двадцать одна, а не восемнадцать? Потому что спрыгивать надо, а ты, извини, сползаешь, как беременная женщина! Вот посмотри, как Кузнецов спрыгивает! А ну, Кузнецов, покажи ему еще один раз, как это делается!

— Слушаюсь, товарищ командир! — лихо откозырял Кузнецов, ловко залез в кузов, ловко спрыгнул на землю, но так и остался лежать на земле.

— А, черт, нога!..

— Что «нога», Кузнецов?

— Да вот, подвернул, черт бы ее побрал!..

— Ну ничего. Это хорошо. То есть что подвернул — это, конечно, плохо, а хорошо то, что мы эту ситуацию на учениях тоже отрабатывали. Рядовой Хабибулин, вправьте ему сустав!

— А может, лучше я ему вправлю, товарищ командир?

— Э нет, Причитайло. То, что вы вправите, я не сомневаюсь. Это вы как раз делаете хорошо. Вот Хабибулин пусть вправит! А то мне докладывали, что он на занятиях по медицине каждый раз в таких случаях наш манекен по два часа уродует.

— Ну не даются мне эти переломы, товарищ командир...

— Какие еще переломы? У Кузнецова вывих!

— Так это сейчас у него вывих, а как я за лечение возьмусь, будет перелом...

— Да и не станет этот дом гореть еще два часа, — заметили из толпы, — максимум минут двадцать...

— Ладно, — сказал командир. — Ты, Кузнецов, пока отползи в сторонку, а ты, Хабибулин, бери брандспойт и подсоединяйся к гидранту. Где у вас тут гидрант?

— Какой это еще гидрант? — удивились погорельцы. — Нету у нас никакого гидранту...

— Ну кран пожарный по-нашему.

— И крана пожарного у нас нет. У нас вообще никакого крана нет. А зачем он нам нужен, тот кран, если у нас здесь и воды никогда не было?

— Так что же вы тогда технику сюда вызывали, людей? И что это за мода такая пошла — чуть дом загорится, сразу пожарников вызывать? Мы тут стараемся, понимаешь, делаем все возможное и невозможное... Вон, — командир показал на отползающего Кузнецова, — теряем личный состав! А у вас и пожарного крана нет!

— Пожарный кран есть на суконной фабрике, — сообщил какой-то мужчина в пижаме и тапочках.

— А это недалеко?

— Если ехать трамваем, получается остановки четыре.

— Ничего себе, четыре остановки трамваем! У нас на такое расстояние шланг не дотянется!

— Тогда можно не ехать трамваем. Можно идти пешком. Получается всего одна остановка.

— То есть как это?

— Очень просто. Идете себе, идете и останавливаетесь только у суконной фабрики... Но расстояние то же.

— А что, если мы, товарищ командир, трофейный брандспойт подключим, а? — с робкой надеждой предложил Хабибулин. — У него, наверное, шланг ох какой длинный!

— Отставить трофейный! Вы что, не знаете, что этот брандспойт мы бережем для особенно ответственных возгораний? Если обком, не дай бог, загорится или горком.

— Да не загорятся они, товарищ командир! Вы это нам уже сколько лет обещаете! И ничего. Так и не узнаем мы никогда, что ж оно такое, эта хваленая зарубежная техника!..

— Ну так и быть, подключайте! — сдался командир.

— Слушаемся! — обрадовались Хабибулин и Причитайло и, подхватив трофейный брандспойт, побежали в сторону суконной фабрики, всем своим видом показывая толпе, что сейчас ей будет представлено нечто необыкновенное.

— Так тогда, может, я и нашу выдвижную лестницу уже выдвину? — спросил у командира водитель пожарной машины. — Я понимаю, что оно вроде как ни к чему: и дом здесь в один этаж, да и от него уже мало чего осталось... Просто я тут приспособление изобрел для ускорения выдвижения лестницы. Так пусть наконец люди увидят, какая все-таки мощь стоит на страже их противопожарной безопасности!..

— Выдвигай! — кивнул командир.

Водитель на что-то нажал, после чего вторая половина лестницы не просто выдвинулась из первой, а вылетела из нее со страшным свистом, снесла половину крыши, а вторую ее половину обрушила прямо в горящий дом.

— Во дают! — ахнул кто-то в толпе. — Получается, это у них как «катушка»?!

— Да, — сказал водитель машины. — Чего-то я тут еще не подрассчитал...

— Это мы после поговорим, — ответил ему командир. — Надеюсь, в доме никого не оставалось? — спросил он у погорельцев.

— Да нет, — отвечали те. — Мы даже и вещи все вынесли самые ценные... Кажись, только веник забыли...

— А Коля ж мой где?! — запричитала вдруг какая-то молодуха. — Ой, люди добрые, Коля!.. Сынок... Я ж и забула тут про него... А сейчас, как за веник заговорили, так сразу и вспомнила!.. Мы когда еще из дому выходылы, я ему говорю: «Коля, сынок, ты ж смотри, чтобы веник тут нэ сгорив!» А тэпэр вот ни веника, ни его!..

— Ну знаете! — возмутился командир. — А ну быстро облейте меня чем-нибудь!

— Как вы говорите?

— Облейте меня, говорю, чем-нибудь! Что у вас там есть?

— А что у нас есть? Ничего у нас нет... Мы ж тут как раз День физкультурника отмечали, так и выпили все, что было...

— Да что я тут с вами разговариваю?! Эх, была не была!.. — И командир пожарников, сделав два гигантских прыжка, исчез в клубах огня и дыма...

— Мама, а мама, — прозвучал в наступившей тишине тоненький детский голос, — а чего это дядя в самое пекло полез? За веником, что ли?

— Та за каким еще там... А кто это сказал? Коля? Ты тут? Ой, слава тебе, Господи... Шоб тебя уже черти забрали, байстрюк! Где ж тебя носить?!

— Я в туалет ходил за кустик.

В это время дом, вспыхнув особенно ярким пламенем, развалился на головешки, но командира пожарников там почему-то не оказалось. Толпа тихо ахнула...

— Не нужно было их вызывать, этих пожарников, — сказал какой-то моряк с «Беломором» в зубах, — дом мы бы и сами не потушили, зато у нас хотя бы не было человеческих жертв...

— Не слушай его, Николай, — обратилась к мальчику дородная женщина в пионерском галстуке — наверное, пионервожатая. — Только что, на твоих глазах, этот пожарный, спасая юного пионера, совершил героический подвиг! Конечно, если бы ты предупредил его, что идешь в туалет, он бы остался жив. Но с воспитательной точки зрения, может быть, так даже лучше. Какой вывод ты сделаешь из того, что произошло сегодня? Вот как ты будешь поступать в подобных случаях, когда станешь взрослым мужчиной?